Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:22:35

DOI: 10.17951/n.2017.2.285

ANNALES
UNIVERSITATIS MARIAE CURIE-SKŁODOWSKA
LUBLIN – POLONIA
VOL. II SECTIO N 2017

Edyta Manasterska-Wiącek
Университет Марии Кюри-Склодовской в Люблине
e.manasterska@poczta.umcs.lublin.pl

Проблема передачи эмоций в переводах литературы для детей

Problem przekazu emocji w przekładach literatury dla dzieci

Резюме: Целью статьи является исследование лексических средств в литературном тексте, с помощью которых выражаются эмоции, а также лексики, которая может влиять на эмоции читателя и способы их перевода на русский язык. Материалом для анализа прослужило стихотворение Сергея Михалкова *Про мимозу* и его перевод на польский язык – *O mimozie*, выполненный Янушем Минкевичем. На основании проведенного анализа можно прийти к выводу, что некоторые решения переводчика бесспорно связаны с формальной стороной поэтического текста: поиск рифмы, усилия, связанные с ритмическим строением очередных строк, кажутся, порой, важнее, чем лексический состав текста перевода. Представленные примеры удачных переводов некоторых отрывков текста свидетельствуют о том, что несоответствие в передаче эмоциональности не всегда связано с семантической неточностью. С другой стороны, бывает и так, что даже малейшее семантическое изменение лексемы влечет за собой значительную модификацию смысла и может существенным образом влиять на эмоции реципиента. В связи с этим, переводчик должен приложить все усилия, чтобы найти соответствующий в смысле эмоциональной силы эквивалент и сохранить подобные, как в подлиннике, ощущения в контакте читателя с текстом.

Ключевые слова: эмоции; детский читатель; переводы для детей

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:22:35

В течение последних десятилетий в лингвистике наблюдается «активизация интереса к изучению эмоций в пространстве художественного текста, [...] который направлен на достижение читательского сопереживания и сопонимания, на создание эмоционального и интеллектуального контакта»[1], в связи с чем появились и многочисленные исследования, касающиеся проблемы передачи эмоций в переводе. Функционирование эмоций в языке тесно связано с их воздействием на человеческое сознание. Л.Ю. Буянова и Ю.П. Нечай доказывают, что слова, выражающие эмоции автора речи, передают и его субъективное отношение и таким образом являются выразителями субъективной модальности. Они выражаются не только параязыковыми средствами (плач, смех, жест, мимика), но и с помощью языковых средств – фонетических, лексических, словообразовательных, фразеологических и грамматических[2]. По словам Э.П. Курниковой, не всем типам текстов присуща эмоциональная информация – ее лишены научные тексты, деловые письма. Зато в художественных текстах она содержится в наибольшем объеме. Главенствующая роль передачи эмоциональной информации принадлежит лексике[3].

Чувства, ощущения и эмоции понимаются психологами по-разному: некоторые их разграничивают, другие объединяют[4].

> Чувствами или эмоциями называют переживания человеком своего отношения к тому, что он познает или делает, к другим людям и самому себе. Человек унаследовал механизм эмоций от своих животных предков. Поэтому часть эмоций человека совпадает с эмоциями животных: ярость, голод, жажда, страх. Но это простейшие эмоции, связанные с удовлетворением органических потребностей. С развитием разума и высших человеческих потребностей, на базе аппарата эмоций, сформировались более сложные человеческие чувства [...]. Чувства выражаются в эмоциях, но в определенный момент они могут не выражаться в каком-либо

---

[1] Е.П. Курникова, *Языковые средства выражения эмоциональной информации в художественном тексте (на материале романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»)*, «Вестник ТГГПУ» 2011, № 4(26), с. 194–198.

[2] Л.Ю. Буянова, Ю.П. Нечай, *Эмотивность и эмоциогенность языка. Механизмы экспликации и концептуализации*, Москва 2016, с. 18.

[3] Е.П. Курникова, *op. cit.* , с. 194–195.

[4] https://samopoznanie.ru/articles/oschuscheniya_chuvstva_emocii [доступ: 13.04.2017]. См также: Л.Г. Бабенко, *Лексические средства обозначения эмоций в русском языке*, Свердловск 1989, с. 6. Нами эмоции и чувства понимаются, по Бабенко, как эквиваленты, как обозначение переживаний, ощущений человека.

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:22:35

конкретном переживании. Чувства, в отличие от эмоций, свойственны только человеку[5].

Исследование лексических средств в литературном тексте, с помощью которых выражаются эмоции, а также лексики, которая, независимо от наличия «внутренней эмотивности», может влиять на эмоции читателя и способы их перевода на русский язык, являются целью настоящей статьи. Материалом для анализа нам прослужило стихотворение Сергея Михалкова *Про мимозу*[6] и его перевод на польский язык – *O mimozie*, выполненный Янушем Минкевичем[7].

Рассматривая содержание и особенности объективации эмоционально-чувственной картины мира, О.Ю. Ромашина вводит понятие «языковая личность», под которой понимается человек, обладающий способностью создавать и воспринимать языковые феномены, отражающие особенности его рационального, чувственного и эмоционального языкового сознания. «Языковое сознание – это, по словам ученого, средство формирования, хранения и обработки форм и значений языковых единиц, а также отношения языковой личности к данным единицам и их оценке (рациональной и эмоциональной в совокупности)»[8]. Проблема отношения читателя как «языковой личности» к определенным языковым единицам позволяет нам посмотреть на более узкую зависимость, возникающую на уровне контакта реципиента с художественным текстом.

Чаще всего читатель – это взрослый человек. В центре нашего анализа стоит, однако, детский читатель – читатель особенный, отличающийся своей возможностью понимания окружающего мира от читателя взрослого, вполне зрелого. Ребенок владеет, как утверждает М.В. Володарская, «на протяжении определенного времени лишь частично опытом и лингвистическими, интеллектуальными, эмоциональными, а также другими структурами, характерными для взрослого»[9]. В ходе анализа мы постараемся ответить на вопрос, в какой мере переводчик принял во внимание

---

[5] http://psychological.ru/default.aspx?s=0&p=38&0a1=329&0o1=0&0s1=0&0p1=5 [доступ: 05.04.2017].

[6] С. Михалков, *Стихи и сказки*, Москва 1960.

[7] S. Michałkow, *Małym nieposłusznym. Wiersze, bajki i opowiadania*, Warszawa 1988.

[8] О.Ю. Ромашина, *Объективация эмоционально-чувственной картины мира в современном ангийском языке*, «Научные Ведомости, Серия Гуманитарные науки» 2012, № 18, 137, вып. 15, с. 82–88, по: А.Г. Фомин, *Языковое сознание как имманентно присущий признак гендерной языковой личности*, «Ползунолвский вестник» 2003, № 3–4, с. 211–214.

[9] М.В. Володарская, *Рецепция литературы для детства и юношества: дискуссионные проблемы*, http://dspace.nbuv.gov.ua/xmlui/bitstream/handle/123456789/105443/

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:22:35

специфику детского читателя и насколько адекватно передал потенциальную эмоциональность текста.

Вначале приведем тексты подлинника и перевода, которые легли в основу нынешнего исследования.

Про мимозу	***O mimozie***
Это кто накрыт в кровати	Kto to w puchach na poduszkach
Одеялами на вате?	Wyleguje się do ranka?
Кто лежит на трех подушках	Kto to nie chce zwlec się z łóżka,
Перед столиком с едой	Nim nie dadzą mu śniadanka?
И, одевшись еле-еле,	Kto, gdy wreszcie z łóżka wstanie.
Не убрав своей постели,	Nie pościeli go po sobie?
Осторожно моет щеки	Kto, ostrożnie niesłychanie,
Кипяченою водой?	Twarz swą muska w ciepłej wodzie?
Это, верно, дряхлый дед	Czy to jakiś stary dziad,
Ста четырнадцати лет?	Co ma sto czterdzieści lat?
Нет.	Akurat!
Кто, набив пирожным рот,	Kto, napchawszy ciastem usta,
Говорит: – А где компот?	Mówi: – A gdzie jest kapusta?
Дайте то,	Zrób mu to,
Подайте это,	Przynieś sio,
Сделайте наоборот!	Podaj tamto, odnieś to…
Это, верно, инвалид	Chyba to jest inwalida,
Говорит?	Który stracił nogi dwie?
Нет.	Także nie.
Кто же это?	Kto to?
Почему	Co to za bidula,
Тащат валенки ему,	Co się szczelnie opatula,
Меховые рукавицы,	W futro, w swetry i szaliczki,
Чтобы мог он руки греть,	W getry, w grube rękawiczki,
Чтоб не мог он простудиться	By, znalazłszy się na dworze,

24-Volodarskaya.pdf?sequence=1 [доступ 12.05.2017], по: М.Т. Славова, *Волшебное зеркало детства: статьи о детской литературе*, Киев 2002.

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:22:35

И от гриппа умереть,	Nie zaziębić się, broń Boże,
Если солнце светит с неба,	Choć na niebie świeci słońce,
Если снег полгода не был?	Choć śnieg stopniał przed miesiącem?
Может, он на полюс едет,	Może do bieguna chce
Где во льдах живут медведи?	Płynąć na lodowej krze?
Нет.	Nie.
Хорошенько посмотрите –	Nie, to nie to ani tamto,
Это просто мальчик Витя,	To po prostu mały Antoś,
Мамин Витя,	Maminsynek,
Папин Витя	Synek taty,
Из квартиры номер шесть.	Co w mieszkaniu numer sześć
Это он лежит в кровати	Leży w łóżku, w kołdrach z waty,
С одеялами на вате,	Wśród poduszek i pierzynek
Кроме плюшек и пирожных,	I, prócz ciastek i landrynek,
Ничего не хочет есть.	Nic innego nie chce jeść.
Почему?	A dlaczego?
А потому,	A dlatego,
Что только он глаза откроет –	Bo rozpieszcza się Antosia,
Ставят градусник ему,	Bo zbyt chucha się na niego,
Обувают,	Bo o każdej porze dnia
Одевают	O cokolwiek on poprosi,
И всегда, в любом часу,	Wszystko w jednej chwili ma!
Что попросит, то несут.	
Если утром сладок сон –	Jeśli rano sen go mroczy,
Целый день в кровати он.	W łóżku cały dzień już leży.
Если в тучах небосклон –	Jeśli w niebie chmurkę zoczy,
Целый день в галошах он.	Po kalosze zaraz bieży.
Почему?	A dlaczego?
А потому,	A dlatego,
Что все прощается ему,	Bo zbyt chucha się na niego.
И живет он в новом доме,	Kaprys każdy mu uchodzi,
Не готовый ни к чему.	Gdy po swoim domu chodzi –
	Nieprzydatny do niczego.

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:22:35

Ни к тому, чтоб стать пилотом,	Ni do tego, by we flocie
Быть отважным моряком,	Być odważnym marynarzem,
Чтоб лежать за пулеметом,	Ni pilotem w samolocie,
Управлять грузовиком.	Ni szoferem, ni lekarzem.
Он растет, боясь мороза,	Smutny los jest maminsynka
У папы с мамой на виду,	Wrażliwego tak na mrozy,
Как растение мимоза	Rośnie on jak ta roślinka,
В ботаническом саду.	Co się kwiatem zwie mimozy.

Представленные стихотворения – оригинал и перевод – интересны сквозь призму эмоциональных сигналов. Понимание восприятия художественного произведения, как эстетического впечатления, заставляет искать в тексте аффективные напряжения, т.е. такие факторы языковых элементов, которые могут потенциально связываться с влиянием на эмоциональные реакции читателя[10]. Анализ можно проводить на разных языковых уровнях. Объектом нашего исследования выступает лексический уровень.

В анализируемом материале оказалось много лексем, потенциально связанных с эмоциональной реакцией ребенка. Вот некоторые из них:

Это, верно, *инвалид*
Говорит?

Chyba to jest *inwalida*,
Który stracił nogi dwie?

Значение выделенной фразы значительно богаче, чем в оригинале. Инвалид в переводе не только утратил трудоспособность. Он без ног, а это неизбежно приводит к другой картине в уме читателя. Выбор переводчика приводит к усилению эмоций.

Нашего внимания заслуживает и следующий пример:

Кто, набив пирожным рот,
Говорит: – А где *компот*?

Kto, napchawszy ciastem usta,
Mówi: – A gdzie jest *kapusta*?

[10] См. E. Manasterska-Wiącek, *Dyfuzja i paradyfuzja w przekładach literatury dla dzieci*, Lublin 2015.

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:22:35

Выделенные существительные только мнимо не вызывают разных ощущений. Может казаться, что *компот* и *kapusta* это просто продукты питания, и они ни в коем случае не относятся к эмоциям. Но, хотя именно они не связаны с особенной реакцией читателя, следует учесть факт, что читатель стихотворения – это, во-первых, ребенок и, во-вторых, что он обожает сладкое, а капуста – это часто незначимое для детского питания растение (если не нелюбимое). Решение переводчика трудно назвать удачным. Выбор такого эквивалента имеет значение в дальнейшей части текста. Если проследить целое стихотворение, можно найти фрагмент, в котором переводчик как бы забывает о своем предыдущем решении:

Это он лежит в кровати
С одеялами на вате,
Кроме плюшек и пирожных
Ничего не хочет есть.

Leży w łóżku, w kołdrach z waty,
Wśród poduszek i pierzynek
I, prócz ciastek i landrynek,
Nic innego nie chce jeść.

UMCS

А ведь в начале текста герой стихотворения любил капусту. Автор должен помнить, что ребенок – это невероятно внимательный читатель и может эту непоследовательность заметить. Между тем языковых возможностей много. Например, такая:

Kto do buzi wpycha ciasto,
Kompot chce przed jedenastą?
[…]
Leży cały dzień w łóżeczku,
W puchu, niby w ptasim mleczku.
Witek ten, jak głosi wieść,
Nic, prócz ciastek nie chce jeść[11].

Подобное изменение в переводе Минкевича протерпел и этот фрагмент текста:

[11] Перевод Э. Манастерска-Вионцек.

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:22:35

А потому,
Что только он глаза откроет –
Ставят *градусник* ему […]

A dlatego,
Bo rozpieszcza się Antosia,
Bo zbyt chucha się na niego […]

Искать элемент похожий по значению на лексему *градусник* в том или другом месте стихотворения напрасно. В то же время, он не нейтральный по отношению к детским эмоциям. Дети не любят мерить температуру, даже боятся этого, часто плачут – а такое неприятное представление у читателей перевода из-за выбора переводчика становится невозможным. Переводчик должен донести до читателя схожие с подлинником эмоции, а этот сигнал эмоциональности, по-видимому, им сведен на нет. Немного в сторону от этих рассуждений, следует увидеть и языковую ошибку, которая, к сожалению, появилась в тексте перевода: *dlatego, bo* вместо *dlatego, że*. Несомненно, в текстах, направленных на детское восприятие, такого не должно происходить, это является недопустимым. Переводчику необходимо избегать таких оплошностей, так как ребенок только-только знакомится с языком. Он, вероятно, не увидит ошибки, но, возможно, запомнит неправильную форму наряду с правильными.

Следующий случай возможного нарушения восприятия текста – это, безусловно, такое решение по переводу:

Кто же это?
Почему
Тащат валенки ему,
Меховые рукавицы […]

Kto to?
Co to za *bidula*,
Co się szczelnie opatula
W futro, w swetry i szaliczki […]

Смело можно сказать, что слово *bidula* вызовет в каждом читателе определенные эмоции, в то время как перевод в этом отрывке эмоционально нейтрален. Следовало бы ожидать, что переводчик выполнит перевод, насыщенный равноправной лексикой и образностью в эмоциональном

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:22:35

отношении. Однако принятое решение вновь модифицирует эмоции реципиента – на этот раз усиливает и даже активизирует. Существительное *bidula* имеет в польском языке значение ‘biedny, pokrzywdzony przez los’. Ребенок-реципиент вместо критической оценки поведения балованного мальчика, «мимозы», может даже сочувствовать герою.

Исследование целого перевода позволяет утверждать, что, помимо формальных осложнений, схожую с текстом оригинала эмоциональность можно передать:

Któż to?
Czyż to do ubrania
Buty mu podaje mama?
Ciepłe rękawiczki, szalik […][12].

Переводчики, выполняя переводы для детей, преимущественно должны иметь в виду тип имплицированного адресата. Как заявляет М.В. Володарская, ребенок – это особый читатель, которому свойственно фантазийно-образное мышление, синкретизм игрового и фантастического компонентов в понимании мира[13]. Подбор лексики, как видно, имеет большое значение и не может быть случайным.

Существенным препятствием в понимании литературного текста является неспособность понимать значение некоторых слов. Если переводчик вводит в текст лексику, которая употребляется в языке редко, восприятие текста становится сложнее:

Дайте то,
Подайте это,
Сделайте наоборот.

Dajcie to,
Podajcie tamto,
Zróbcie to, co chcę i *basta*![14]

В переводе появляется междометие *basta*, которое вряд ли понимается ребенком. Такое ограничение или даже сужение в понимании текста не

[12] Перевод Э. Манастерска-Вионцек.

[13] http://dspace.nbuv.gov.ua/xmlui/bitstream/handle/123456789/105443/24-Volodarskaya.pdf?sequence=11 [доступ: 12.05.2017].

[14] Перевод Э. Манастерска-Вионцек.

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:22:35

свойственно оригиналу. Отсутствие понимания тоже влияет на активизацию эмоций, а это, в свою очередь, приводит к искаженному восприятию текста.

Подобное решение переводчика наблюдается и в этом отрывке:

Если утром сладок сон
Целый день в кровати он.
Если в тучах небосклон –
Целый день в галошах он.

Jeśli rano sen go *mroczy*,
W łóżku cały dzień już leży.
Jeśli w niebie chmurkę *zoczy*,
Po kalosze zaraz *bieży*.

Бывает так, что непонятное слово, которое уже упоминалось, становится ясным в определенном контексте. Попытка сохранить ощущения, сравнимые с подлинником, не доведена до конца. Следовательно, трудно полностью согласиться с таким решением автора перевода. Скопление трех слов неясного смысла в одном месте стихотворения, безусловно, нанесло ущерб пониманию текста. Ребенок слушает или читает слова по очереди, но не вполне осознает все значения. Глагол в краткой форме *zoczy* практически не употребляется в современном польском языке (не употреблялся и во время создания перевода). Он без ощутимого результата ассоциируется со словом *oczy*, а глагол *bieży* – с похожим по звучанию, но с совершенно иным по значению глаголом *bierze*. Эти звучания и значения вводят хаос в понимание очередных строк.

Проблема трудностей в понимании текста касается не столько своего рода «дискомфорта» в контакте с литературным произведением, сколько несоответствия подобного восприятия текста оригинала и перевода их реципиентами. Значение имеет в таком случае не само наличие непонятных слов в тексте, а его адекватность по отношению к оригиналу.

В тексте перевода можно найти и примеры, в которых переводчик в какой-то мере компенсирует возможную потерю ощущения читателя (по сравнению с ощущениями читателя оригинала). Рассмотрим следующие примеры:

Чтоб не мог он простудиться
И от гриппа *умереть* […]

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:22:35

By, znalazłszy się na dworze,
Nie zaziębić się, *broń Boże*.

Следует обратить внимание, что употребление *broń Boże* является приемом противоположным по отношению к предыдущему примеру. Тут переводчик придает тексту, а затем и эмоциям читателя, намного больше, чем в подлиннике. Смерть (*умереть*), даже если не вполне понимается ребенком, является потенциально неприятным состоянием. Зато *broń Boże* может оказаться в группе лексем, которых дети боятся. Имеем здесь в виду слова, которые не только называют неприятные или страшные явления или предметы, но и сами по себе они вызывают определенные ощущения. *Broń Boże* имеет силу повлиять на эмоции молодого, незрелого реципиента не только своим значением – оно непонятно ребенку – но именно своим звучанием. К тому же, эти сильные эмоции страха отличаются от сильного ощущения неприятности, вызванного лексемой *умереть*, которая появляется в подлиннике. Так, рассматривать эти лексемы как относительно равноправные позволяет нам не тип эмоций, а их сила.

В противоположность этим примерам приведем перевод ключевой, в исследуемом стихотворении, лексемы *мимоза*:

Он растет, боясь мороза,
У папы с мамой на виду,
Как растение *мимоза*,
В ботаническом саду.

Smutny los jest maminsynka
Wrażliwego tak na mrozy,
Rośnie on jak ta roślinka.
Co się kwiatem zwie *mimozy*.

Тут авторы оригинала и перевода, помимо того, что вводят в текст, несомненно, непонятное для детей обеих культур слово, путем сравнения цвета с мальчиком – героем стихотворения – делают более ясным значение слова. Таким образом, объясняют не только само слово, но и показывают возможность его метафорического употребления. Новое слово становится понятным и, благодаря такому приему, ребенок расширяет свою лексику.

Подобным примером равноправной передачи эмоциональности текста является этот отрывок:

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:22:35

Это, верно, дряхлый дед
Ста четырнадцати лет?

Czy to jakiś stary dziad,
Co ma sto czterdzieści lat?

Замена числительного 114 числительным 140 не должна особенно изменить восприятие ребенка. Такие числительные, независимо от их точного значения, по отношению к возрасту человека понимаются ребенком как ‘старый, пожилой человек, солидного возраста’. Кроме того, по отношению к возрасту человека, они становятся числительными активными в смысле эмоциональности. Дети относительно быстро понимают, что это нетипичный возраст человека (независимо от того, какое числительное услышат/прочитают в подобном контексте – 114 или 140) и что столько лет – это невероятно много в жизни человека. В связи с этим, замена кажется в обоих текстах равноправным сигналом эмоциональности.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что передать эмоциональный пласт стихотворений не так легко. Каждый перевод связан с какой-либо потерей в восприятии реципиентом. Хотелось бы, чтобы изменения были почти незаметными. К сожалению, особенно при переводе поэзии, это невероятно трудная задача. Дело становится еще сложнеее, если к этому прибавить проблему перевода для детского читателя. Буянова и Нечай отмечают, что:

> […] слова разных частей речи могут выступать в функции средства концептуализации эмоций, […] являясь лингвокогнитивными заместителями эмоций как идеально-материальных объектов действительности, языковыми маркерами особых коммуниктивно-личностных ситуаций, связанных с душевно-прихологическим состоянием человека[15].

Мы увидели, что некоторые решения переводчика бесспорно связаны с формальной стороной поэтического текста: поиск рифмы, усилия, связанные с ритмическим строением очередных строк, кажутся, порой, важнее, чем лексический состав текста перевода. Представленные примеры удачных переводов некоторых отрывков текста свидетельствуют о том, что несоответствие в передаче эмоциональности не всегда связано с семантической неточностью. С другой стороны, бывает и так, что даже

[15] Л.Ю. Буянова, Ю.П. Нечай, *op. cit.*, с. 202.

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:22:35

малейшее семантическое изменение лексемы влечет за собой значительную модификацию смысла и может существенным образом влиять на эмоции реципиента. В связи с этим, переводчик должен приложить все усилия, чтобы найти соответствующий в смысле эмоциональной силы эквивалент и сохранить подобные, как в подлиннике, ощущения в контакте читателя с текстом.

Правда, как подчеркивает Л.Г. Бабенко, «язык не есть зеркальное отражение мира, поэтому, очевидно, мир эмоций и набор языковых средств, их отображающих, не могут полностью совпадать»[16], но при помощи категорий оценочности, экспрессивности, образности и, независимо от них, самого эмоционального потенциала реципиента, стоит исследовать их проявление в языке. Аффективные напряжения в тексте могут быть непосредственно связаны с эмоциональной реакцией читателя – особенно ребенка.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бабенко Л.Г., *Лексические средства обозначения эмоций в русском языке*, Свердловск 1989.

Буянова Л.Ю., Нечай Ю.П., *Эмотивность и эмоциогенность языка. Механизмы экспликации и концептуализации*, Москва 2016.

http://dspace.nbuv.gov.ua/xmlui/bitstream/handle/123456789/105443/24-Volodarskaya.pdf?sequence=11 [доступ: 12.05.2017].

http://psychological.ru/default.aspx?s=0&p=38&0a1=329&0o1=0&0s1=0&0p1=5 [доступ: 05.04.2017].

https://samopoznanie.ru/articles/oschuscheniya_chuvstva_emocii [доступ: 13.04.2017].

Володарская М.В., *Рецепция литературы для детства и юношества: дискуссионные проблемы*, http://dspace.nbuv.gov.ua/xmlui/bitstream/handle/123456789/105443/24-Volodarskaya.pdf?sequence=1 [доступ: 12.05.2017].

Курникова Е.П., *Языковые средства выражения эмоциональной информации в художественном тексте (на материале романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»)*, «Вестник ТГГПУ» 2011, № 4(26).

Manasterska-Wiącek E., *Dyfuzja i paradyfuzja w przekładach literatury dla dzieci*, Lublin 2015.

Михалков С., *Стихи и сказки*, Москва 1960.

Michałkow S., *Małym nieposłusznym. Wiersze, bajki i opowiadania*, Warszawa 1988.

Ромашина О.Ю., *Объективация эмоционально-чувственной картины мира в современном ангийском языке*, «Научные Ведомости, Серия Гуманитарные науки» 2012, № 18, 137, вып. 15.

[16] Л.Г. Бабенко, *op. cit.*, с. 8.

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:22:35

Славова, *Волшебное зеркало детства: статьи о детской литературе*, Киев 2002.
Фомин А.Г., *Языковое сознание как имманентно присущий признак гендерной языковой личности*, «Ползунолвский вестник» 2003, № 3–4.

Streszczenie: Celem artykułu jest analiza przekazu emocjonalności w przekładzie wiersza *Про мимозу* S. Michałkowa na język polski. Emotywność tekstu wyraża się nie tylko w postacji jedostek nacechowanych emocjonalnie. Istotnym czynnikiem warunkującym percepcję takiej wartości tekstu jest szczególny implikowany adresat – dziecko. Jak się okazuje, nawet drobne przesunięcie semantyczne może wpływać na potencjalną modyfikację odbioru, z drugiej strony istotne zmiany w warstwie znaczeniowej nie muszą wiązać się z wpływem na emocje odbiorcy przekładu w stosunku do oryginału. Ważne jest, by autor przekładu potrafił umiejętnie odnaleźć jednostki tekstu, które stanowią potencjalne napięcia emocjonalne i przetransponować je do tekstu wtórnego w postaci elementów o podobnej zakładanej sile emocjonalnej.

Słowa kluczowe: przekład dla dzieci; napięcia emocjonalne; emotywność tekstu; emocjonalność; dziecięcy odbiorca

UMCS